

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ НАСТРОЕНИЙ ПЕЧАЛИ И ТОСКИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПОЕЗДКА В ПОЛЕСЬЕ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о существовании религиозного подтекста настроений печали и тоски в повести И. С. Тургенева «Поездка в Полесье». Проведенный анализ показывает, что такой подтекст имеет место быть в произведении и возникает в первую очередь благодаря символично-типологическим параллелям между образами повествования и образами библейско-христианской традиции. Благодаря существованию таких параллелей, пессимистический пафос на страницах произведения ощущается не только как результат неприятия существующего в этом мире порядка вещей, но и как следствие тоски по высшему смыслу, по личному, бессмертному, заинтересованному в человеке Началу. Архетипическая семантика образов дает нам право мыслить об этом Начале в категориях именно христианской традиции.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Поездка в Полесье», пессимизм, тоска, печаль, смысл жизни, религиозность, Бог.

Abstract: the article raises the question of the existence of the religious subtext of the moods of sadness and anguish in the story of Turgenev «A Trip to Polesie». The analysis shows that such a subtext takes place in the work and arises primarily due to the symbolic and typological parallels between the images of the narrative and the images of the biblical-Christian tradition. Due to the existence of such parallels, the pessimistic pathos on the pages of the work is felt not only as a result of the rejection of the existing order of things in this world, but also as a result of the longing for the highest meaning, for the personal, immortal Beginning, interested in human being. The archetypal semantics of images gives us the right to think about this Beginning in the categories of Christian tradition.

Keywords: I. S. Turgenev, «A Trip to Polesie», pessimism, sadness, anguish, the meaning of life, religion, God.

Через все творчество И. С. Тургенева красной нитью проходит мысль о бездушности и пустынности мироздания. В нем безраздельно властвует природа, «штука — равнодушная, повелительная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая» [1, 425]. Ей совершенно нет дела до человека, удел которого печален. Несмотря на свои высокие духовные запросы, тягу к личному счастью и бессмертию, он обречен на кратковременное существование, а в итоге смерть и забвение. Об этом трагическом противостоянии сам И. С. Тургенев так писал Полине Виардо: «Да, она такова: она равнодушна, душа есть только в нас и, может быть, немного вокруг нас... Это слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить» [1, 406–407]. Человеческая жизнь — всего лишь «красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности» [1, 390].

Благодаря тому, что мысль писателя простирается в сферу иррационального, мистического, человек оказывается не просто перед лицом равнодушной и безликой природы, которая пренебрегает всяким проявлением свободы человеческого духа, подчиняя все живое бездушным законам механической необ-

ходимости. Ко всему прочему его судьбой играют таинственные, чаще всего враждебные силы, «которые можно иногда прозревать, но постигнуть — невозможно» [2, 69]. Все, что в этой ситуации человеку остается, так это «смириться», «преклонить головы перед Неведомым» [3, 128] и «по крайней мере уметь молчать» [3, 147]. Не случайно «среди философских проблем, серьезно занимавших Тургенева на протяжении, в сущности, всей его литературной деятельности, первостепенное значение имеет мысль о человеческом ничтожестве» [4, 49].

Отсюда пафос пессимизма, уныния и тоски, которым пронизаны многие работы классика.

И, тем не менее, как однажды подметил Салтыков-Щедрин, размышляя о произведениях Тургенева, «после прочтения их легко дышится, легко верится, легко чувствуется... ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора... Именно это впечатление оставляет после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, начало любви, света, во всякой строке бьющее живым ключом» [5, 212].

Действительно, пессимизм творчества И. С. Тургенева особого рода. По словам А. И. Батюто, это не «бесчувственный» пессимизм холодной и отстраненной

философии стойков и Шопенгауэра. Пессимизм Тургенева жизнеутверждающий [4, 111–112]. Он является свидетелем «неистребимой любви к жизни и человеку, следствием тоски по идеалу, по какому-то иному, лучшему порядку в мире природы и в мире человеческих отношений...» [4, 39]. Эта двойственность настроений вполне свойственна и самому Тургеневу. Уже на закате своей жизни он указывает на то, что беспокоило и волновало его на протяжении всей жизни и что отразилось во всем его творчестве: «Ничтожество меня страшит — да и жить еще хочется...» [6, 208].

Пытаясь ответить на вопрос, каковы же истоки этой особенности мировоззрения писателя, Г. Б. Курляндская предполагает, что все оно — своеобразное выражение «метафизической тоски... коренной неистребимой потребности в идеале предельного совершенства, т.е. безусловной духовности, пребывающей в природе и вне ее» [7, 10–11]. По сути, поднимается вопрос о религиозной составляющей творчества И. С. Тургенева. Насколько оправданна его постановка? В какой степени «диалектически-неразрывное сочетание «пессимизма» и «оптимизма» в философских настроениях писателя», которое «характеризует всю его жизнь и литературную деятельность» [4, 39], связано с вопросами религиозного порядка? Если более конкретно, то проблема может быть сформулирована следующим образом: можно ли говорить о существовании религиозного подтекста «жизнеутверждающего пессимизма» в произведениях И. С. Тургенева?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мы обратились к одному из центральных произведений цикла «Таинственных повестей», в котором пафос уныния и тоски сконцентрирован с особой силой.

Повесть «Поездка в Полесье» была написана И. С. Тургеневым в 1857 году. Одна из ключевых тем, которая получает развитие на страницах произведения — взаимоотношения человека и природы. Природа представлена здесь как «первобытная, нетронутая сила» [3, 130]. Она величава и красива, однако при этом абсолютно равнодушна к существованию человека. «Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела... я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»...» [3, 130]. По сравнению с кратким веком человеческой жизни природа вечна. Оттого ее созерцание поселяет в людях «сознание своей ничтожности» [3, 130]. «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды» [3, 130]. Все живое перед ее лицом — всего лишь призрак. Об этом красноречиво свидетельствует окружающий рассказчика пейзаж, который ассоциируется в повествовании с чем-то тоскливо-призрачным. «Все деревья

да деревья, все зубчатые верхушки — и тонкий, туманный туман, вечный туман Полесья висел вдали над ними. Не ленью, этой неподвижностью жизни, нет — отсутствием жизни, чем-то мертвенным, хотя и величавым, веяло мне со всех краев небосклона» [3, 131]. Образ природы неизбежно связан с мыслью о приближающейся и неминуемой смерти. Оставшись в лесу с ней один на один, рассказчик передает свои ощущения: «Сердце во мне сжалось. В это мгновение, на этом месте я почувствовал веяние смерти, я ощутил, я почти осязал ее непрестанную близость» [3, 138].

Единственное, что заботит природу, так это гармония между всеми ее элементами. Это и есть «ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл» [3, 147]. Поэтому она не выбирает любимчиков. Она просто стремится поддержать «равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, все равно, — выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви...» [3, 130].

В этих обстоятельствах, перед ликом равнодушной природы и неминуемой смерти, личное счастье, которого человек так жаждет и к которому стремится, становится принципиально недостижимым. Его можно предчувствовать, в той или иной мере ощущать его приближение, но в полноте познать его невозможно. Ведь все отравляет факт приближения неминуемой смерти и тот самый слепой закон равновесия, согласно которому живет природа. А потому счастье — всего лишь «призрак», как и сама человеческая жизнь. Оно то, что, вероятно, однажды «проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой — да я не умел признать его божественного лица? Или оно точно посещало меня и сидело у моего изголовья, да позабылось мною, как сон? Как сон, повторял я уныло...» [3, 139]. Удел человека печален. Ему остается только смириться со своей участью, ведь «где блаженство, и вера, и сила — там не наше место!» [3, 139], и приучать себя к «горьким словам «прости» и «навсегда»» [3, 139].

И. С. Тургеневу была чужда идея о том, что жизнь сводится единственно к своей механической картине, а все ее явления обусловлены лишь законами детерминизма. Как результат, в своем творчестве он охватывает не только рациональные и естественно-познаваемые явления жизни, но и нерациональные. Именно поэтому образ природы в повести «Поездка в Полесье» представлен не только в своей видимой, познаваемой ипостаси, но имеет и скрытое, мистическое измерение. Природа не просто наваливается на человека извне, как безликая, равнодушная громада. Она действует в жизни людей «изнутри», в виде внезапно вторгающихся в их судьбу таинственных сил. Как правило, это силы фатальные и враждебные

по отношению к человеку. Встреча с ними заканчивается для него трагически. Вот тот философский контекст, который сообщает произведению тоскливую тональность.

Эту идею вмешательства в судьбу и жизнь человека природной стихии иллюстрируют образы двух персонажей повести — Егор и Ефрем.

Егор «слыл за человека правдивого и за «молчальника»... не пил вина и работал прилежно» [3, 135]. «Божия душа в полтора гроша» [3, 141], — так о нем отзываются те, кто его знают. Тот факт, что «он ничего без креста не начинал» [3, 136], обнаруживает укорененность Егора в христианской вере. Однако, несмотря на такое благочестие и верность Богу, Егору «не везло: жена его все хворала, дети умирали; он «забеднял» и никак не мог справиться» [3, 135]. Само повествование заканчивается упоминанием о том, что у него «последняя корова околела» [3, 148]. И все же Егор принимает удары судьбы и действие в своей жизни неведомых сил со смирением и покорностью. По мысли рассказчика, он прекрасно понял ту философию, согласно которой «человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать» [3, 147].

Вот та точка в пространстве повествования, в которой оно получает религиозное измерение. На наш взгляд, не случайно такое внимание уделяется благочестию Егора. В сложившейся ситуации его вера и упование на Бога очень примечательны. Несмотря на то, что Егор смирился перед той равнодушной природной стихией, которая действует в его судьбе, он все еще продолжает стремиться к личному, бессмертному и заинтересованному в человеке Началу. Его внешние покорность и молчание не исключают живущей в нем надежды на благого Бога. Возможно, именно в этом причина того, что природа «мстит» ему до самого конца повествования. Это словно напоминание: в ответ на его внутреннее упорство в любой момент и его самого она может выкинуть вон, как того, кто пытается познать «нарушающие равновесие жизни радости любви...» [3, 147]. Поэтому перед нами не просто образ праведника из народа, это еще и образ страдальца за веру. Типологически он связан с библейским образом праведного Иова Многострадального. А потому история Егора не только история верности Богу, это еще и намек на попытку вести диалог с Небом. Не озвученный вопрос: где ты, Господи, когда твои люди страдают? За что страдает праведник? Если книга Иова дает ответ, то здесь все покрыто молчанием, что, безусловно, тесно связано с настроениями тревоги и печали.

Контрастом Егору выступает Ефрем. Он лихой человек. «Такого на сто верст другого не сыщешь. Вор и плут» [3, 142]. Ефрем в лесу чувствует себя как дома. «Уж на что мы все, здешние, лес знаем, приобькли сызмала, а с ним поравняться немочно. Про-

шлым летом, ночью, напрямки из Алтухина в Святое пришел, а тут никто и не хаживал отродясь, верст сорок будет. Вот и мед красть, на это он первый человек; и пчела его не жалит» [3, 142], — говорит о нем рассказчику провожатый. Ефрем живет по закону природы: «оробел — пропал, смел — съел» [3, 142]. Поэтому и замечает о нем Егор: «зато он и медведь» [3, 143]. В системе художественных образов повести именно Ефрем является олицетворением таинственных сил природы, действующих в судьбах людей. Он ее дитя и словно заговоренный. Однажды крестьянин встретил его в лесу во время сильного дождя: «я было в сторону... А он поглядел на меня, да эдак меня ручкою и подозвал. «Подойди, мол, Кондрат, не бойся. Поучись у меня, как в лесу жить, на дождю сухим быть». Я подошел, а он под елкой сидит и огонек развел из сырых; веток: дым-то набрался в елку и не дает дождю капать» [3, 144]. Ефрем — «оборотень»: «Пока дома — любезный человек, всех потчует: пей, ешь сколько хочешь, пляска тут у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходке, такая у нас сходка на селе бывает, уж лучше его никто не рассудит; подойдет сзади, послушает, скажет слово, как отрубит, и прочь; да уж и слово-то веское. А как вот уйдет в лес, ну, так беда! Жди разорения. А и то сказать: он своих не трогает, разве самому тесно придется. Коли встретит кого святовского — «Обходи, брат, мимо, — кричит издали, — на меня лесной дух нашел: убью!» Беда!» [3, 143]. Примечательно, что перед Ефремом и теми таинственными силами, которые действуют через него, пасуют даже духовные лица. Местный дьячок, не узнав, поколотил его за разорение своей пасеки. Когда же увидел, кто перед ним: «ему в ноги: возьми, мол, что хочешь. Нет, говорит, я с тебя в свое время возьму, да и чем захочу... с самого того дня дьячок-то, словно ошпаренный, как тень бродит! Сердце, говорит, во мне изныло» [3, 144].

Образ одержимого лесным духом «оборотня» Ефрема, перед которым пасуют даже духовные лица, — очередной раз подчеркивает то, кому в этой жизни раздолье и чья здесь власть. Очевидно, что, пусть и через призму мифологического народного сознания, перед нами явная отсылка к началу inferнальному, демоническому. За безликим, равнодушным природным началом, которому нет дела до человека, порой скрывается злая личная воля. Позже эта идея будет выражена И. С. Тургеневым в повести «История лейтенанта Ергунова» (1868) и со всей силой в «Рассказе отца Алексея» (1877).

Итак, страдания праведника, молчание Неба, и при этом господство в этом мире темных «лесных» сил, в очередной раз усиливает пафос тоски и уныния, пронизывающего повесть, и вместе с тем намекает на его религиозное измерение.

Интересующий нас подтекст пессимистических настроений повести возникает и благодаря осо-

бым символам, которые на уровне архетипов тесно связаны в сознании русского человека с вопросами религиозной веры. Так в контексте рассуждений рассказчика о противостоянии вечной природы и кратковременного человеческого существа глубоко символический смысл получает образ храма. Для христианского мировоззрения храм — всегда символ личного, бессмертного, заинтересованного в человеке Начала, а также то место, где человек получает удовлетворение высоким запросам своего духа, может обрести опыт причастия полноте жизни. В повести его образ встречается трижды. Так, описывая равнодушный покой природы, пространство чуждое человеку, рассказчик замечает: «нигде не белела церковь» [3, 131]. Далее, подробно рассказывая о своей поездке через лес, по направлению к человеческому жилью, он между прочим отмечает то, что «в стороне темнела ветхая часовенка с покривившимся крестом над колодцем... и лес стоял кругом до того старый, высокий и дремучий, что даже воздух казался спертым» [3, 133–134]. В структуре художественного пространства произведения это своеобразная точка напряжения: массив равнодушной безликой природы давит на часовенку, которая является своеобразным форпостом, еле сдерживающим натиск враждебной человеку силы. С образом церкви мы встретимся еще раз, когда рассказчик, наконец, приезжает в «село Святое, лежащее в самой середине леса» [3, 134]. В этом селе «дворов двадцать лепилось вокруг старой, деревянной, одноглавой церкви с зеленым куполом и крошечными окнами, ярко рдевшими на вечерней заре» [3, 134–135]. Опять же очень примечательное пространственное решение в контексте тех настроений, которыми пронизана повесть. Перед нами островок жизни, с говорящим названием «Святое», который со всех сторон противостоит натиску равнодушной и безликой природы. Центром этого оазиса является храм, место, символизирующее встречу человека и высокого смысла, Бога. Именно этот образ в структуре повести является противовесом безликому, равнодушному к человеку природному началу.

К слову, образ храма не раз встречается в творчестве И. С. Тургенева. И практически во всех случаях он играет важную смысловую роль — становится символом высоких чаяний человека, олицетворяет собой все то, что может противостоять равнодушным силам природы (именно такую функцию, на наш взгляд, он выполняет в повестях «Фауст», «Довольно», романе «Отцы и дети»).

И все же, несмотря на такую пессимистическую тональность, в повести присутствуют и оптимистические нотки. Опять же они связаны с религиозным измерением. С особой силой это ощущается в эпизоде, в котором рассказчик остается в лесу один. Его провожатый ушел за водой, а он, под влиянием момента, погрузился в тоскливые размыш-

ления. Из этого унылого состояния героя выводит Егор. Это очень важный момент. «Вот вам вода, — раздался за мною звучный голос Егора, — пейте с Богом»... Я невольно вздрогнул: живая эта речь поразила меня, радостно потрясла все мое существование. Точно я падал в неизведанную, темную глубь, где уже все стихало кругом и слышался только тихий и непрестанный стон какой-то вечной скорби... я замирал, но противиться не мог, и вдруг дружеский зов долетел до меня, чья-то могучая рука одним взмахом вынесла меня на свет Божий. Я оглянулся и с несказанной отрадой увидел честное и спокойное лицо моего провожатого. Он стоял передо мной легко и стройно, с обычной своей улыбкой, протягивая мне мокрую бутылочку, всю наполненную светлой влагой... Я встал. — Пойдем, веди меня, — сказал я с увлечением» [3, 139]. «Тоскливым размышлениям», «неизведанной, темной глубь», «тихому и непрестанному стону какой-то вечной скорби», которые есть результат созерцания безликого, равнодушного природного начала, влекущего человека к смерти, противостоит упоминание о начале личном, живом, заинтересованном. С особой силой это подчеркивают практически библейские выражения: «с Богом», «живая речь», «светлая влага», «свет Божий», «дружеский зов», «могучая рука». В результате возникает образ, вполне сопоставимый с евангельским, — образ пастыря доброго, подателя «живой воды», спасителя (ср.: Ин. 4:10; 7:37; 10:11). Важно, что репрезентует это начало праведник Егор, который в данном контексте словно освобождается от своего бремени и предстает перед нами в преображенном, светлом виде. Его лицо было «честное и спокойное», а стоял он «легко и стройно» [3, 139]. В данном случае его образ в большей степени ассоциируется со спутником-хранителем, который обладает бесценным опытом преодоления трудностей жизни, а потому помогает их преодолеть и тому, кто ему доверился.

Подобный оптимизм и надежда ощущаются, в конце концов, и в описаниях самой природы, образ которой амбивалентен в творчестве И. С. Тургенева. Рассказчик чувствует, что есть в ней все-таки нечто родственное нам. За призрачной дымкой тумана это родственное еле угадывается, его можно лишь предчувствовать. Вековой бор сравнивается с морем. Он «отражает небо, от которого тоже веет вечностью, но вечностью как будто нам нечуждой...» [3, 130]. Эта «нечуждая нам вечность», которая отражается в водной стихии, не просто аллюзия на пантеистическую идею всемирной природной гармонии, которая без сомнения присутствует в творчестве И. С. Тургенева. Здесь перед нами один из намеков на опыт предчувствия того личного, заинтересованного в человеке Начала, который и позволяет говорить о присутствии в повести настроений тоски религиозного характера.

Таким образом, мы видим, что на вопрос о существовании религиозного подтекста пессимистических настроений в повести «Поездка в Полесье» вполне можно дать положительный ответ. В основном он возникает благодаря символично-типологическим параллелям между образами повествования и образами библейско-христианской традиции (образ страдающего праведника, спасителя — подателя «воды живой», спутника-хранителя, наконец, образ храма). Все они соотносятся с тематикой и проблематикой произведения, органично вплетены не только в повествовательный, но, что важно, в его философский контекст и формируют определенную систему смысловых доминант.

Благодаря существованию этих образов, пафос тоски и печали ощущается на страницах произведения не только как результат рефлексии относительно существующего в этом мире порядка вещей (принципиальной невозможности личного счастья, кратковременности и скоротечности человеческой жизни, незащитности человека перед лицом равнодушной природы и ее таинственных сил). Он вполне может быть связан с проблемой поиска высшего смысла, предчувствия, выражаясь языком самого И. С. Тургенева, «не чуждой нам вечности». Существующий образный ряд дает нам право мыслить об этой «нечуждой вечности» в категориях христианской традиции.

Итак, существование личного, бессмертного, заинтересованного в человеке Начала — которое на языке христианского богословия именуется Богом — способного подниматься над безликой, равно-

душной природой, наполнять смыслом все аспекты человеческого бытия, быть условием возможности личного счастья, является предметом надежды в произведении и сообщает ему жизнеутверждающую тональность. Именно таким, по словам Г. Б. Курляндской, сопряжением «метафизического и эмпирического», «утверждением жизни в ее духовной сущности» побеждается «дым пессимизма» [7, 34] во всем творчестве И. С. Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1982. — Т. 1. — 608 с.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1982. — Т. 10. — 608 с.
3. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1980. — Т. 5. — 544 с.
4. Батюто А. И. Тургенев-романист / А. И. Батюто. — Л.: Наука, 1972. — 392 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. 18, кн. 1. — 350 с.
6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1983. — Т. 11. — 528 с.
7. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции / Г. Б. Курляндская. — Тула: Гриф и Ко, 2001. — 230 с.

Московская духовная академия
Барицкий Д. С., доцент кафедры филологии
E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy
Baritskii D. S., associate professor of the department of
Philology
E-mail: Baricky1981@yandex.ru